

Любовь Никонова. "Я живу под столетней ветлой". М. "Советский писатель" 1988г

Ранние стихи Любы Никоновой покорила силой непосредственного чувства. Она спешила донести до читателя свой восторг перед "кипением жизни", запечатлев в слове ее цвета, звуки, запахи.

Нельзя сказать, что подобных стихов нет в новой ~~ее~~ книге:

Увижу рыжий, лисий ответ ржи,
молочные початки кукурузы,
горох зеленый,
дыни близ межи
и толстые и крепкие арбузы.

"СИБИРСКИЕ ОГНИ"
Рукопись № 184-10
198

И все-таки не подобные зарисовки определили лицо сборника. Шогоня за мгновеньями - яркими и звонкими - уступила место другому:

Сладкого сна и блаженного отдыха
я не вкушала давно.
Все это было до знанья, до опыта,
до постиженья дано.

Произошла старая, как мир, история: лирическая героиня изгнана из Эдема непосредственной жизни потому, что ^{она} отведала плодов познания. И теперь ее "отдых равен труду", и не уйти ни от себя, ни от людей, ни от вопросов, которые принято называть "конечными":

Как получилось, как ей удалось
стать жизнью? Косный мир пройти насквозь?
От камня отделиться и от кварца,
и сбывшейся, решенной оказаться?

Для того, чтобы хотя бы приблизительно ответить на это, недостаточно обычного зрения. На первый план выходит зренье внутреннее, духовное, посредством которого автор сопоставляет явления. И обнаруживает, что все на свете связано & друг с другом, находится в непрерывной работе,

становлении.

Мелькает бабочка, как маскарадный маг,
без устали пчела щекочет мак.
Дес^ятки ненасытных хоботков
берут еду с естественных лотков.
Невзрачные и свиду простатки
на целый мир влияют бурачки.

Теперь для поэтессы в одном ряду - шум песка, ^и раковых семян, икри-
нок. Она проникается уверенностью, что "кипенье жизни" далеко не так
хаотично и случайно, как это казалось еще вчера. Нет, все в мире ~~является~~
является важными звеньями одной ^{цели:} системы:

Простое озеро с осокой
играет скромно роль свою.
В нем, водяной травой заросшем,
малек с пшеничное зерно
парит, причастный тайнам общим,
со взрослой рыбой заодно.

"Узлы и свитки" земляных червей, "извилины улитки" тоже поражают
автора "смыслом непростым".

Итак, жизнь имеет смысл. В чем он? Может быть, в том, что, идя
от простого к сложному, "старый разум" - природный - создал "новый
разум" - человеческий:

Старый разум, в хлябях непролазных,
нас вчера из глины создававший,
поглядите, добрый старый разум,
что из глины получилось вашей.
Крепче, тверже стало в божьем мире,
Выйдя из обителя озонной,

мчится, мчится в поднебесной шире
новый разум в капсуле особой.

Любовь Никонова разрабатывает тему "двух разумов" ^{1/2} в стихотворе-
ниях "Ребенок и мир", "Создатель", но наиболее удачно, на мой взгляд,
она решена в "Снеговике" — вещи, которую хочется привести целиком:

Из свежего снега сырого
слепив толстяка снегового,
от счастья дитя засмеялось.
И впрямь толстячок был приятный:
смешной, белоснежный, опрятный.
Не зря с ним игра затевалась.

Стоял он, довольный кулема...
Рассматривал мир он влюбленно.
Возникшее сердце просило,
чтоб длилась незванная нега.
Он стал существом — пусть из снега,
Хотя бы из снега. Спасибо.

Он случай приветствовал добрый,
гордился он выпавшей долей:
быть чьм-то созданием — прелестно!
Ты вылеплен! Краткое чудо
цени, не растял покуда.
Ведь слепят ли вновь — неизвестно.

За сотворением неклюжего Стевика автор сумел разглядеть смыслы
глобальные. Человек выступает здесь как Демидург — творец новой при-
роды — то есть, в сущности, он равен богу. Но, невероятно вознося
человека, автор в то же время заставляет задуматься о кратковремен-

ности нашего бытия. Ведь, что ни говори, мы не только творцы, но и бранные творения. В одном лице.

Главной творческой силой поэтесса считает Любовь. Она изначально присуща всему в мире? "Брачные пары пузырей" тянутся друг к другу, рыбки "кусают и ласкают" шелковистую водоросль, которая, в свою очередь, обнимается со ступающей водой. Но если на нижних уровнях существования любовь может быть тесно переплетена со смертью, с уничтожением, то на уровне челоока это чувство облагораживается, теряет свой истребительный огонь.

Любовь для лирической героини прежде всего - "долгая", то есть постоянная, ровная. Она сознательно противопоставлена бурным, но кратковременным и изменчивым чувствам. Невозможно представить себе, чтобы героиня могла крикнуть "предмету любви": "Я тебя никому не отдам!" /как это сделала Марина Цветаева/. В данном случае - тон другой:

Но близко от того, кто был мне люб,
все замирало - сердце и сознание.
И не могло тогда сорваться с губ
хотя бы запоздалое признание.

Это нежное, целомудренное чувство, которое избегает называть себя, ибо Слово, Логос может убить то, что по самой своей природе до конца не выразимо. Мягкий свет этого чувства струится из глубины многих стихотворений книги. Порой оно как бы стремится вернуться в свое родительское лоно, слиться с любовью вселенской, природной:

Растеньем сокровенным белоус
пишу тебе любовное письмо.

Или:

И ветка, освещенная луной,
на нас обоих, точно дочь, похожа.

Особенно ярко мировой смысл любви показан в небольшой поэме "Розаириум". Героиня неким чудесным образом погружается в середину гиган-

тской розы:

И надо мной цветка сомкнулись своды.

Материя его была чиста.

Я погружалась вглубь цветка послушно,

вглубь розы опускалась, как во сне.

И розовая бездна длилась душно,

ничем не завершаясь в глубине.

И разнеся потоки вдохновений,

объял весь дух, прошел по всей крови

пронзительный огонь проникновенной

животворящей мировой любви.

Любовь здесь предстает даже, как нечто материальное, но это материя особого рода. Это тонкая светоносная субстанция, из которой "соткана"ны все пьесы Моцарта, "стихи Тютчева и Фета, и скромные цветы в "маммином саду".

Похоже, что лучшие стихи Любови Никоновой состоят из этого вещества.

Но - не все. Ведь обобщения таят в себе немалую опасность. Если автор забывает про свое конкретное место во времени и пространстве и пытается высказать мысль, одинаково верную для всех случаев жизни, то чуда поэтического претворения не происходит:

Но только ни жемчуг, ни камень колец
не стоят простых благородных сердец.

Найду ли? И где? На какой высоте,
сокровище, равное их чистоте.

Да, с сокровищами сердца ничто не сравнится. Ни никакого ^иоткрытия эта мысль нам не несет.

Не верится, что из под пера Любови Никоновой вышли и такие, например, строки:

Похожи труженики, кто бы что ни делал.
Витают музыка над их любимым делом.
Ремесла родственны, как ни велик их список.
Вот, скажем, труд ткачих и труд арфисток.

.....
Ткачихи музицируют. Арфистки
ткуют полотно, звучащее, как арфа.

Автор пошел по пути наименьшего сопротивления. Решив подкрепить самоочевидную мысль зрительным образом: и арфистки и ткачихи перебирают нити руками, — он потерпел поражение. Стихотворение получилось плоским и слащавым. Самая банальная рифма: "делал" — "делом" лишь подчеркивает неудачный результат.

К счастью, подобных срывов в книге немного.

Хотел бы отметить, что в самых последних стихах Л. Никоновой появилось немало нового, необычного для нее. Интересно зазвучала вдруг "некрасовская" интонация:

Я кормлю, но не сытых = пресыщенных.
Не для них мои дни и труды.
Я голодных кормлю бедной пищею
и лепешками из лебеды.

А вот уже "из Достоевского":

Но взглянут бедные глаза,
и в них слеза блеснет тревожно.
Всего одна, ~~слеза~~ одна слеза,
но быть счастливым невозможно.

Заслуживают внимание ее словесные портреты Мусоргского и Веры Фигнер, вариации на темы русского фольклора. Освоение нового материала всегда рискованно. Но настоящий поэт не должен, ~~не имеет~~ права пребывать в прежнем состоянии:

И бедная душа затрепетала,
в смятении о чем-то лепетала.
Но высшее, разбуженное в ней,
уже дышало, не боясь страстей.
Оно сквозь мвуки нового рожденья
упорно обретало продолженье.

Чтобы родиться заново, нужно сначала сгореть, как птица
Феникс/образ, не раз встречающийся в стихах Л. Никоновой/. Это мучительно.
Но другого выхода нет. "лучшие стихи книги говорят, что новое поэти-
ческое рождение произошло.

В. Ширяев,

650002

г. Кемь, 2
у Ю. Смирнова

20-69

Ширяеву Василию
Михайловичу